

ВАЛЕРИЙ СОРОКИН

КОЛЫМСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ГЛАЗАМИ ДИЛЕТАНТА

(ДНЕВНИК ВОЗЖЕЛАВШЕГО ПРИОБЩИТЬСЯ К ГЕОЛОГИИ)

МОСКВА
2012

ББК 84(2РОС=РУС)6
С65

Сорокин, В. В.

С65 Колымская экспедиция глазами дилетанта (дневник желавшего приобщиться к геологии). [Текст] /Валерий Сорокин; - М.: ООО «АИР», 2012.—196 с.

ISBN 978-5-9904222-1-6

В книге, изложенной в виде дневника, в простой и лаконичной форме рассказывается о типичном летнем геологическом сезоне, который автор прочувствовал на себе, проведя около полугода в экспедиции на далеких северных сибирских реках Колыме и Яне. Это книга о буднях, радостях и горестях наших отечественных геологов и людях, влюбленных в русский Север. Для широкого круга читателей.

ББК 84(2РОС=РУС)6

ISBN 978-5-9904222-1-6

© Сорокин В. В., 2012
© ООО «АИР», 2012

*«Расскажите вы всем,
расскажите немножко,
Что на русской земле
есть земля Колыма».*
Из песни

МОЙ ПУТЬ ИЗ МОСКВЫ В КОЛЫМУ

Впервые о Колыме я услышал через песни. В 1959 году, когда я проводил свои летние школьные каникулы в спортивном лагере завода «Серп и молот» в подмосковном посёлке Малаховке, наш баянист, студент физтеха Феликс, научил нас двум песням. Одна из них начиналась словами:

*«На Колыме, где тундра и тайга кругом,
Среди замёрзших елей и болот,
Тебя я встретил с твоей подругой,
Сидевших у костра вдвоём».*

В другой песне была такая концовка:

*«Будь проклята ты, Колыма,
Что прозвана чудной планетой.
Сойдёшь поневоле с ума,
Отсюда возврата уж нету».*

И эти две песни сопровождали меня по жизни долгое время: и во время спортивных сборов, и на службе в рядах Советской Армии и в студенчестве. Знакомство с первым человеком, побывавшим на Колыме, геологом Николаем, произошло ещё до моей службы в армии в коммунальной квартире на Пятницкой улице, где проживал мой тренер по гребле Владимир

Григорьевич. Однажды я пришёл к тренеру, чтобы попробовать купленный им для своих сыновей аккордеон (а аккордеоном я тогда в определённой степени владел). И в это же время вернулся с колымских просторов его сосед по коммуналке — геолог — и решил устроить пиршество по случаю своего благополучного прибытия. Им было привезено девять медвежьих шкур, на самой большой из которых он решил устроить праздничный стол. Предварительно из его комнаты была вынесена во двор вся мебель, поскольку геологу хотелось создать необходимый интерьер. В роли грузчиков, в частности, был и я со своим тренером. «Хозяин тайги» тем временем, расстелив самую большую медвежью шкуру, разложил на ней крупные куски привезённой с дальних просторов солёной чавычи и нарезанный большими ломтями чёрный хлеб, расставил бутылки водки «Столичная» и гранёные стаканы, а также миски с моченой северной брусникой — основным гарниром народов Севера к мясу или рыбе. Чего-либо другого на столе, то бишь шкуре, не присутствовало. Расселись приглашённые (в основном соседи) на прочих свернутых медвежьих шкурах. Я тогда ещё водку не пил, поскольку был соблюдающим режим спортсменом, но нежно солёной чавычи и кисло-сладкой мочёной брусники наелся до отвала.

Реально же о Колыме я узнал, когда познакомился на службе в армии с собатальонником Володькой Антоновым, который, окончив после школы геологоразведочный техникум, уже пару сезонов поработал в колымских экспедициях. Он многое рассказывал об этом удивительном крае, о лесах, полных дичи, о реках и озерах, кишущих рыбой, о незабываемых полярных сияниях и о людях, живущих в тех краях. Отслужив, он с 1967 года продолжил постоянно ездить в колымские экспедиции, приез-

жая в Москву где-то в октябре с окладистой бородой и массой приобретённых за 4–5 месяцев впечатлений. Его рассказы были всё более и более увлекательными, но у меня, к сожалению, летние месяцы были заняты в течение многих лет тренировками и соревнованиями по академической гребле, а также учёбой в институтах физической культуры и иностранных языков, летние сессии в которых проходили в июне, затягиваясь иногда и на июль.

Свою свадьбу Владимир Антонов с женой Гиацинтой (тоже геологом) в феврале 1973 года провели тоже по-геологически. В съёмной тринадцатиметровой квартирке гостиничного типа они устроили свадебное пиршество также на медвежьей шкуре, привезённой ими с Колымы. Всех участников праздничной трапезы было девятаро. Сидели все на полу на мягких спинках от стульев, подобранных хозяевами на близлежащей свалке. Молодожёны показали снятый ими в предыдущем геологическом сезоне фильм о Колыме. Потом мы пели песни геолого-туристического толка в моём гитарном сопровождении.

В течение нескольких лет я провожал моего друга на работу в Иран, куда их отряд уезжал по осени, а к маю возвращался, поскольку в Иране геологи летом из-за жары не работали. Обычно во время проводов мы загружали поездные купе массой всяческого геологического оборудования. Правда, в первый зарубежный сезон на границе с Ираном таможня вынудила выгрузить всю эту экипировку и переместить её на таможенный склад. Иначе для ввоза в страну даже таких вещей, как палатки и спальники, требовалось платить пошлину. А за всё про всё пошлина составляла порядка одного миллиона долларов. Так они и въехали в Иран осенью 1975 года — налегке с одними

рюкзаками и небольшим комплектом личных вещей. Поэтому большая часть их зарплаты ушла на покупку необходимого снаряжения, в том числе и материала для пошива палаток. Денег практически не было даже на покупку сувениров. Вследствие чего весной следующего года ребята вернулись на Родину практически с нулевым заработком. Но они были советскими людьми, и им к сложностям было не привыкать. К тому же в советском представительстве в городе Исфahan им говорили, что они не должны ударить в грязь лицом, и что им следует расходовать свои деньги на приобретение всего необходимого для работы, иначе продления контракта может не последовать (а контракт заключался на три года). В последующие два сезона Министерство геологии, заключавшее договор с Ираном, устранило свои промахи в контракте, и пошлины за ввоз оборудования и экипировки уже никто не требовал.

А вот для меня только 1979 год оказался впервые реально подходящим для отправки в свою первую геологическую экспедицию. Завершив все свои учёбы (институтские и курсовые) к 33 годам, я пару лет находился, как Илья Муромец, на некоем распутье — чем заниматься дальше? Работал я в это время в двух ипостасях: командиром отделения ВОХР в институте синтеза белка «ВНИИСинтезбелок», который, в частности, являлся неким прикрытием научно-исследовательской лаборатории по разработке биологического оружия, но такая деятельность была настолько завуалирована, что фактически абсолютное большинство работников этого, естественно, не знало. Обнаружил это в девяностые годы бывший начальник соответствующей лаборатории академик Академии медицинских наук И. Доморадский на страницах газеты «Известия», а также в жур-

нале «Знание — сила». В своей автобиографической книге «Перевертыш» (Москва, 1995) Игорь Валерьянович раскаялся в том, что участвовал в работе по созданию биологического оружия. И выходит, что я, гуманитарий, тоже косвенно был причастен к работе этой антигуманной лаборатории, потому как при каждом своём дежурстве принимал, после окончания рабочего дня, под свою охрану запечатанные в специальном пенале ключи от этого подразделения, в котором хранились штаммы чумы, холеры, сибирской язвы, туляремии и т.д.

Другой ипостасью была работа переводчиком в институте ИркутскНИИхиммаш, филиал которого находился на территории «ВНИИСинтезбелка», но работа там не была постоянной, и меня ангажировали время от времени для участия в проработке зарубежной патентной информации, для чего использовались мои знания двух десятков языков. И вот весной 1979 года я окончательно настроился участвовать в геологической экспедиции на далёкой Колыме. Мой друг Володька Антонов и его жена Гиацинта — геолог высокого масштаба — за ней числились даже какие-то обнаруженные месторождения — работали в организации «Аэрогеология». Туда же они рекомендовали и меня. Я прошёл собеседование с начальником геологической партии Бобровым Владимиром Николаевичем, а в жизни просто Николаичем, который разъяснил мне условия работы и оплаты во время полевого сезона.

После собеседования я спокойно взял на основной работе отпуск, уехав в конце апреля на Кавказ — сначала ознакомился с курортами Кавказских минеральных вод, потом, проехав из Нальчика по Военно-Грузинской дороге, попал в Тбилиси, проведя неделю в доме моего грузинского друга Петра. Денька

три мы пробыли и на его даче в Боржоми, где пили чудесную минеральную воду вкупе с настоящей грузинской чачей. Далее я выехал в Сухуми, откуда уже с другим моим другом-путешественником Ефимом мы совершили поход по Военно-Сухумской дороге, покрытой ещё снегом, и поднялись почти до Клухорского перевала. Покупавшись последние несколько дней отпуска в Сочи на Чёрном море и приняв пару мацестинских сероводородных ванн, после того как случайно обнаружили излив целебной горячей воды у подножия горы, откуда по большой бетонной трубе вода поступает в водолечебницы, проночевав несколько ночей в пустующей стационарной палатке на сочинской турбазе, расположенной на горе рядом с городской телебашней, мы отбыли на поезде в Москву. Поскольку я собирался в геологическую экспедицию, то в отпуск с собой брал небольшую книжонку — «Основы геологии», где в общих чертах ознакомился с этой научной дисциплиной. Особенно заинтересовала меня мезозойская эра, длившаяся почти 170 миллионов лет и состоявшая из трёх периодов: триас, юра и мел. Это было время, когда жили динозавры, ихтиозавры, птерозавры и другие гигантские пресмыкающиеся. Ознакомился я по этой книге и с названиями основных горных пород, с которыми нам в экспедиции предстояло встречаться.

Поскольку работать придётся в Якутии, я сходил в Москве в туристическую библиотеку, где обнаружил нечто типа учебника-разговорника якутского языка и выписал оттуда кое-какие слова и выражения. Например, ким — кто, хас — сколько, ханна — где, куда, хантан — откуда, ээх — да, суох — нет, мин — я, эн — ты, ат — лошадь, ыт — собака, бу тугуй? — что это? Мин солом суох — у меня нет времени и т.д. Якутский язык относится

к тюркской семье языков. До этого я имел дело с двумя языками этой семьи. Первым языком был казахский, на котором я даже слегка научился объясняться с казахами во время совместной службы с ними в рядах Вооруженных Сил. Вторым языком был турецкий, которым я занимался около десяти лет назад, и с некоторым трудом мог разобрать со словарём какую-нибудь газетную статью. Но надо сказать, что знание, связанное с якутским языком, не пригодилось, поскольку даже в быту многие якуты общаются между собой исключительно по-русски, зачастую даже не зная родного языка. Похоже, что и с прочими языками, кроме русского, в Якутии тоже имелись проблемы. Будучи в Тбилиси, я услышал от просвещённых грузин такую историю: один их соотечественник по случаю сумел купить диплом учителя французского языка. Через некоторое время он попал в Якутию и, осознав, что в таком морозном краю южному человеку можно трудиться не иначе, как в помещении, стал пытаться устроиться учителем французского языка в соответствии с имеющимся у него «липовым» дипломом. Сие ему удалось, и он, под видом французского, стал обучать детей-якутов грузинскому языку. И ему это удавалось в течение последующих двух лет. Но, поскольку тайное часто становится явным, он был разоблачён после того, как куда-то в вышестоящую инстанцию были затребованы письменные работы школьников по французскому языку для контроля. Лжефранцуза осудили за мошенничество, но, как мне поведали, дали всего пару лет условно. Условный срок выгорел потому, что защита доказала, что грузин детей всё же чему-то да научил, в частности, довольно своеобразной древней грузинской письменности.

На работе я сразу же подал заявление об увольнении и, к своему удивлению, натолкнулся на противодействие начальства, отказывавшегося его подписывать. Я вроде бы всегда, где было возможно, старался выступать против вышестоящих, и предполагал, что от меня с удовольствием хотели бы избавиться, а тут меня даже стали вызывать к директору института на собеседование. Но к нему я не пошёл, а при встрече с одним из его заместителей по фамилии Жуликов мне было заявлено: — Какую должность Вы хотите занять в нашем институте? — Никакую, отвечал я, поняв, что начальство ценит и наличие у меня двух высших образований, и независимость суждений, и непримиримость к несправедливости. Правда, я честно сказал, что мне нужно поехать на заработки, и если мне дадут отпуск без сохранения содержания на 4–5 месяцев, то я снова вернусь на работу в институт. Такого отпуска в то время мне, естественно, предоставить не могли, и я был уволен по собственному желанию. Однако мой непосредственный начальник охраны — бывший полковник-СМЕРШевец, являвшийся даже какое-то время начальником Таганской тюрьмы, пытался, как последний укус, устроить мне прощальную каверзу. Узнав, что я должен вылетать в экспедицию 4–5 июня, он перенес моё последнее рабочее дежурство с 3 июня на 4 июня (а работали по системе — сутки через трое). На самом же деле мы вылетали 5 июня. Но в назначенный последний день работы — 4 июня, я ему заявил, что, поскольку, с 5-го числа, считаюсь уволенным, то ровно в 24 часа 4 июня покидаю свой пост по охране института и буду прав, а кто будет нести службу до утра — уже не моя проблема. Начальник схватился за голову, и ему пришлось вызывать дополнительно работника охраны, находящегося на отдыхе.